

Челябинский гуманитарий. 2023. № 2 (63). С. 60–64.

ISSN 1999-5407 (print).

Chelyabinskij Gumanitarij. 2023; 2 (63), 60–64.

ISSN 1999-5407 (print).

Научная статья

УДК 82

DOI 10.47475/1999-5407-2023-63-2-60-64

МЕЖДУ ЛИЦОМ И МАСКОЙ: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПИСЕМ АРКАДИЯ КОВНЕРА К ДОСТОЕВСКОМУ

Георгий Сергеевич Прохоров

Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Россия,

kaf.rus.gsgu@yandex.ru, ORCID 0000-0003-4652-8698

Аннотация. В центре статьи – письма Аркадия Ковнера к Федору Достоевскому. Данный источник был открыт еще в 1920-е гг. К нему обращались Л. П. Гроссман, Д. Гольдштейн, Х. Мурав, И. Паперно и др. В центре этих обращений – восприятие корреспонденции как искренней исповеди еврейско-русского начинающего журналиста, недавно осужденного по уголовной статье за экономическое преступление, писателю-классику. Соответственно, письма некритично использовались для построения биографии Аркадия Ковнера, описания мировоззрения просвещенного и стремящегося к руссификации еврея 1860–70-х гг. Мы ставим под сомнение исповедальный характер писем и рассматриваем, как еврейско-русский журналист строит в них свой образ. Мозаичная техника передачи своего “я” органичная для еврейской поэтики, но также и спровоцирована романами Достоевского. Ковнер вписывает себя в фабулы “Преступления и наказания” и “Подростка”. Общность поэтики еврейско-русского журналиста и русского писателя при контрастности их идеологии определяет как содержание писем, так и вскрывает проблемы, связанные с поиском общего коммуникативного поля и возможностей для межкультурного диалога.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, письма, Аркадий Ковнер, Достоевский, межкультурный диалог.

Для цитирования: Прохоров Г. С. Между лицом и маской: Коммуникативные стратегии писем Аркадия Ковнера к Достоевскому // Челябинский гуманитарий. 2023. № 2 (63). С. 60–64. doi: 10.47475/1999-5407-2023-63-2-60-64

Original article

BETWEEN FACE AND MASQUE: ON COMMUNICATIVE STRATEGIES IN LETTERS OF ARKADII KOVNER TO DOSTOEVSKY

George S. Prokhorov

State University of Social Studies and Humanities, Kolomna, Russia

kaf.rus.gsgu@yandex.ru, ORCID 0000-0003-4652-8698

Abstract. The article is focused on letters to Fyodor Dostoevsky written by Arkadii Kovner (1842–1909), a Jewish-Russian journalist. The correspondence was discovered in the 1920s and Leonid Grossman, David Goldstein, Irina Paperno, Harriet Murav, etc. have already studied the letters. They interpreted the texts as a confession of a young but prosecuted for serious forgery and incarcerated Russian journalist to Dostoevsky, a commonly known and influential writer. Thus, the researchers look at the correspondence mainly as a key into Kovner’s biography or into the mind of an European style educated pro-Russian Jew of 1860–70s. I question the longstanding approach to the letters as a confession and concentrate on how Kovner portrays his own life, family, views on politics, society, religion. His image of self looks quite mosaic, what is typical for Jewish poetics but also might be provoked by novels of Dostoevsky himself. We see how Kovner puts himself into fables of *The Crime and Punishment* and *The Adolescent*. While Kovner and Dostoevsky are linked by the common poetics, the both are distanced by a quite opposite ideology. The commonality and distancing shape the letters; Kovner searches for a common ground and tests limits for cultural dialogue.

Key words: communicative strategies, letters, Arkadii Kovner, Dostoevsky, cross-cultural dialogue.

For citation: Prokhorov G. S. (2023). Between the face and masque: on communicative strategies in letters of Arkadii Kovner to Dostoevsky. *Chelyabinskij Gumanitarij*, 2 (63), 60–64. doi: 10.47475/1999-5407-2023-63-2-60-64

Январь 1877 года. Аркадий Ковнер – осужденный за крупное финансовое мошенничество против Петербургского учетного и Московского купеческого банков еврейско-русский журналист решает написать письмо Ф. М. Достоевскому. С чисто логической точки зрения Достоевского трудно представить адресатом Ковнера. Собственно, сам еврейский журналист думает также¹. Впрочем, к письму он шел долго, видно, как ему было важно написать письмо именно Достоевскому. Решается же на свой шаг Ковнер под давлением внешних обстоятельств: «Теперь же пишу Вам, потому что после завтра переводят всех содержащихся в Московском Тюремном замке в новое помещение, где, как утверждают, нельзя будет ни читать, ни писать. А я хотел непременно Вам написать»². Почему адресанту так важна эта коммуникация? И что адресант хочет поведать о себе ведущему русскому писателю?

Сам факт переписки Ковнера и Достоевского известен давно и впервые проанализировавший ее фрагменты Леонид Гроссман задал традицию восприятия данных писем как исповеди (Гроссман 1924). Журналист, который уже примерно два года был изолирован от мира тюремными стенами и общественным осуждением, якобы рвался поведать о себе, своей жизни, своем мировидении (Паперно 1999: 231).

Но исповедь ли перед нами?

В письмах много элементов, затрагивающих личные, важные и болезненные для Ковнера проблемы.

Например, еврейский вопрос в его общественно-политическом звучании. Будучи человеком левых взглядов, Ковнер верил в равенство гражданских прав и обязанностей всех обитателей государства. Но возможно ли оно, когда даже ведущий, интеллектуальный и уважаемый писатель не чувствует ценность такого общества?³

Ковнер мыслил антисемитизм и любую иную этнофобию рудиментом, который сохраняется в мире после Просвещения по инерции. Но есть ли основания для такого восприятия, если к антисемитизму клонится влиятельный и талантливый писатель? (Prokhorov 2018)⁴.

Важное место в письмах занимает биография Ковнера, жизнь местечек, еврейской современной молодежи⁵.

Названные аспекты были бы органичны в исповеди (Тертычный 2000: 219–227), а еще они вторят ключевым элементам сложившегося в России образа еврея (Державин 1872: 250–253; Штейнберг 1994: 113–115). Впрочем, рядом с ними – нечто неожиданное для исповеди как «речевого жанра» (Бахтин 1997б: 180–182): «Я человек – без ярлыка (под этим названием я напечатал роман в четырех частях, который был запрещен в 1872 г. безусловно комитетом министров, на основании закона 7 июня 1872 года)»⁶. Если Ковнер в принципе лишен образа и характера, то кто и как тогда исповедует? Почему напрочь отсутствует сокрушение (Панченко 2011: 256–258; Пригарина 2011: 13–14)? Лики, которые создает для себя в письмах Ковнер, постоянно меняются, почти перебираются.

Вот перед Достоевским эмблематичный «эгоистичный еврей», хвастающийся умением устроиться получше и приспособиться, увильнуть от назначенного судом наказания:

«Я, кажется, Вам писал, что судом был я приговорен к заключению в арестантские роты на четыре года. Не желая попасть в эти роты, где, как мне говорили, арестант теряет <вписано> всякое подобие и образ человеческий, я хлопотал в здешнем губернском Правлении, чтобы меня признали неспособным, по слабому нездоровью, к работе, что мне и удалось»⁷.

Он не скрывает, что достигает целей какими-то непонятными закулисными переговорами с властью имущими... (ср. Державин 1872: 247–249). Более того, сменить арестантские роты на просто тюремное заключение ему мало, а потому Ковнер находит новую лазейку в законе – возможность быть до полного отбытия срока добровольно высланным в Сибирь с обретением свободы по достижению Тобольска⁸.

Жить почти полноправным подданным в Сибири лучше, чем прозябать в московской тюрьме, а потому «...[п]редставляя себе страшную перспективу четырехлетнего заключения, <...> зная, что и по моем освобождении, мне нельзя будет жить в столицах и чрезвычайно трудно будет найти где нибудь в России честный труд, – я решился хлопотать у своего общества, чтобы оно составило приговор о нежелании его принять меня обратно в свою среду, и отправиться раньше срока в Сибирь...»⁹

В кругозоре автора данного фрагмента письма демонстративно нет ни вопроса преступления, ни соответствия мер наказания и вины. Весь текст пропитан личной эгоистичной выгодой. Нет никакого сомнения в нормальности преследования исключительно личных интересов. (Такая стратегия очевидно противоречит жанру исповеди.) Административные органы требуют за осуществление своих функций

¹ Ковнер А.Г. [Письма к Ф.М. Достоевскому] // РО РГБ. Ф. 93 (Достоевский). К. 5. Р. 2. № 82. Л. 2.

² Там же. Л. 11 об.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 8 об.

⁵ Там же. Л. 5–5 об.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Там же. Л. 26–26 об.

⁸ Там же. Л. 26 об.

⁹ Там же. Л. Л. 26 об.–27.

«благодарности», значит, их нужно давать, а чтобы средства были – можно и комедию или повесть написать...

«...губернские правления не обязаны выслать подобных арестантов раньше срока <...>. Следовательно все зависит от “благодарности”... Предвидя это, я <...> написал для “Нов[ого] Времени” повесть “Кто лучше?”...»¹⁰.

Перед Достоевским предстает мелкий, не очень удачный делец, который даже не замечает «пакости», что он совершает, чтобы выжить и обустроиться получше.

Но вдруг, как по щелчку пальцев, Ковнер номинирует себя немного немало на роль библейского Иова: «Я остался один, заброшенный в тюрьме, оплеванный, опозоренный<,> без всяких средств к существованию... Не знаю пережил ли еще один человек в мире подобные душевные пытки...»¹¹ Вдруг выясняется, что перед нами страдалец, которого еще не знал мир. Кто же этот страдалец? – человек, который украл из банка 168,000 рублей, пользуясь доверием к себе директора Петербургского учетного банка А. Зака.

Рядом с образом Иова находим еще более вызывающую номинацию – на роль Иисуса: «Зная основательно древнееврейский язык и талмудическую литературу, я возымел мысль сделаться реформатором моего несчастного народа. Я написал несколько книг, в которых доказал нелепость еврейских предрассудков на основании европейской науки, но евреи жгли мои книги, а меня проклинали»¹². Мф 26: 67–68, конечно же, вспоминается в свете данного пассажа письма, рассказывающего о противостоянии Ковнера с традиционной синагогой – «Тогда плевали Ему в лицо и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам...». Особенно при учете ситуации рассказывания – письмо отправлено из тюрьмы. И вслед за такой высокой номинацией – ирония, граничащая с паясничаньем: «...но евреи жгли мои книги, а меня проклинали. Затем я бросился в объятия русской литературы»¹³.

На фоне таких синкоп выглядят странными регулярные призывы Ковнера верить в его честность и искренность¹⁴. Наоборот, текст выглядит какой-то провокацией адресата письма. Но зачем она адресанту? И почему Достоевский читает письма Ковнера с огромным интересом?¹⁵

По мысли С. С. Аверинцева, на Ближнем Востоке не сложилась художественная литература в античном, греческом смысле данного термина. И одно из ключевых различий заключается в том, что в то время как греческая литература училась изображать характеры, ближневосточная, в частности еврейская, изображала человека во всей его изменчивости (Аверинцев 1996: 23–25). Самодовлеющая верность должному облику – не высшая ценность в еврейской словесности, в отличие от Греции, где Платон изображает (Аверинцев 1996: 22–23). Еврейская литература не стремилась к подобному изображению, но она освоила изображение людей, которые «текут» в потоке времени (Аверинцев 1996: 25).

Ковнер пишет Достоевскому о себе-человеке. Но схожим образом изображает своих героев сам Федор Михайлович (Аскольдов 1924: 16–17). Прирожденный ли убийца Раскольников, если даже в ночь перед убийством ему снится сон о лошади, напоминающий ему увиденную в детстве сцену? Вспомним, что согласно Дж. Локку, чьи идеи во многом определили облик детской литературы второй половины XVIII – начала XIX веков, «...как ребенок обращается с животным – своего рода моральный тест <...>, средство измерения внутреннего содержания ребенка» (Lerer 2008: 109). Мог ли кто-то предвкушать явку Раскольникова с повинной, когда добровольное заявление Миколки о своей вине с упоминанием ключевых деталей преступления сделало настоящего убийцу недостижимым для следствия (явка с повинной фактически снимает с обвинителя бремя доказывания (Баршев 1841: 77–79; ср. работу этого принципа: Cohn 2000: 328–329). И потому-то появление Раскольникова в участке вызывает у служащих полиции шок.

Как в древней ближневосточной словесности, как в еврейской литературе, как в Библии, в центре художественного мира Достоевского находятся люди, а не характеры. Что, видимо, поражает Ковнера, заставляет его читать русского писателя, попытаться написать ему. Что интереснее: Ковнер еще и себя вписывает в ситуации романов Достоевского.

Вот он ориентирует свои действия на «механику» «Подростка»:

«Я поступил в Учетный Банк <...>, убедился, что все банки основаны на обмане и мошенничестве <...>, соблазнился и решился похитить жалкую сумму, которая составляет 3 процента с чистой прибыли <...> пайщиков богатейшего банка в России»¹⁶.

Посмотрел якобы, как другие делают миллионы, соблазнился и похитил сколько-то денег, чтобы обеспечить свою жизнь... Перед нами отчетливые доминанты «ротшильдовской идеи».

¹⁰ Ковнер А.Г. [Письма к Ф.М. Достоевскому] // РО РГБ. Ф. 93 (Достоевский). К. 5. Р. 2. № 82. Л. 27 об.

¹¹ Там же. Л. 9.

¹² Там же. Л. 5 об.–6.

¹³ Там же. Л. 6.

¹⁴ Там же. Л. 18–18 об.

¹⁵ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 29(1). Л.: Наука, 1986. С. 139.

¹⁶ Ковнер А.Г. [Письма к Ф.М. Достоевскому]. Л. 6 об.

Но сразу за интерпретацией в русле «Подростка» Ковнер предлагает свой образ, инкорпорированный в фабулу «Преступления и наказания»:

«Этими 3 процентами я обеспечил бы дряхлых моих родителей, многочисленную мою нищую семью, малолетних моих детей от первой жены, любимую и любящую девушку, ея семейство и еще множество “униженных и оскорбленных”, не причиняя при том никому существенного вреда. <...> Но Вы уже знаете, что я ничем не воспользовался плодами преступления. Меня скоро поймали, арестовали вместе с женою <...> Но бедная девушка <...> вскоре после своего оправдания умерла»¹⁷.

«Преступление», «не воспользовался плодами», «был быстро задержан» – это присутствует в мире романа Достоевского. Впрочем, Раскольников хотел помочь человечеству, но помощь вылилась в двойное или тройное убийство. Ковнер никого не убил. И не нанес серьезный ущерб (пострадавшие не явились давать показания на судебном процессе). Преступление Раскольникова завершилось счастливой жизнью с любимой им Соней. Ковнера такой финал не ждал. Его же Софья Кангисер умерла от прогрессирующего в тюрьме туберкулеза, тоски и чувства унижения... будучи оправданной судом.

Достоевского и Ковнера роднит поэтика и понимание границ художественного пространства. А разделяет идеология. Эта комбинация роднящего и разделяющего провоцирует диалог – в бахтинском понимании данного термина – как соприсутствие в общем коммуникативном поле разных сознаний (Бахтин 1997а: 209). Диалог не всегда завершается согласием, далеко не всегда приходит к коммуникативному успеху – собственно, крах диалога обычная ситуация для поэтики самого Федора Михайловича (Прохоров 2020: 45–58).

Письма Ковнера Достоевский внимательно читает, а фрагментами обращает в палимпсест, споря с их отправителем:

«...прежде всего необходимо предоставить им все гражданские права (подумайте, что они лишены до сих пор самого коренного права свободного выбора места жительства, из чего вытекает множество страшных стеснений для всей еврейской массы) как и всем другим чужим народностям в России, а потом уже требовать от них исполнения своих обязанностей к государству и коренному населению. [Достоевский вписывает поперх – Г.П.]: Самозащита позволительна, ведь Евреи своих Правил не переменяют; зная это закон и ограничивает их ... нельзя это пустить из виду. Прибавлю еще, что Вы слишком преувеличиваете еврейский status in statu. Его почти теперь нигде нет»¹⁸.

Мартовский выпуск «Дневника Писателя» с его пресловутыми еврейскими главами рождается прямо на страницах писем Аркадия Ковнера. Но все-таки при всей этой жесткой полемике находится признание Достоевского, что он редко читал письма, написанные умнее первого письма Ковнера¹⁹.

Список источников

1. Аверинцев С. С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 13–75.
2. Аскольдов С. Психология характеров у Достоевского // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. / Под ред. А. С. Долинина. Сб. 2. Ленинград; Москва: Мысль, 1924. С. 5–27.
3. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург: Тип. 2 отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1841. 297 с.
4. Бахтин М. М. Из архивных записей к работе “Проблемы речевых жанров” // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1997. С. 207–286.
5. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Москва : Русские словари, 1997. С. 159–206.
6. Гроссман Л. Исповедь одного еврея. Москва; Ленинград: Френкель, 1924. 182 с.
7. Державин Г. Р. Мнение об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев // Сочинения Державина / под ред. Гротта. Т. 7. Санкт-Петербург : Академия наук, 1872. С. 229–332.
8. Панченко Н. Н. Исповедь как жанр доверительного общения // Жанры речи. 2011. № 7. С. 254–261.
9. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 256 с.
10. Пригарина А. С. Исповедь как жанр и интенция // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 2. С. 11–15.
11. Прохоров Г. С. Спор в публицистике Достоевского: дискурс или инструмент коммуникации? // Вестник РГГУ. Сер. Языкознание. Литературоведение. Культурология. 2020. № 2. С. 45–58.
12. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. Москва : АспектПресс, 2000. 312 с.
13. Штейнберг А. З. Достоевский и еврейство // Русские эмигранты о Достоевском / под ред. С. В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1994. С. 111–125.

¹⁷ Там же. Л. 7 об.–8.

¹⁸ Там же. Л. 19.

¹⁹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 29(1). Л.: Наука, 1986. С. 139.

14. Cohn H. The Trial and Death of Jesus. Old Saybrook: Konecky&Konecky, 2000. 419 p.
15. Prokhorov G. What Sort of Jew Dostoevsky Liked and Disliked: A Narrative of a Love-Hate Relationship // The New Philological Bulletin. 2018. № 3 (46). Pp. 138–151.
16. Lerer S. Children's Literature. A Reader's History, From Aesop to Harry Potter. Chicago; London: U of Chicago P, 2008. 388 p.

References

1. Averintsev S. S. (1996) Grecheskaia «literatura» i blizhnévostochnaia «slovesnost'» (protivostoianie i vstrecha dvukh tvorcheskikh printsipov) [Greek 'literature' and the Near Eastern 'lore' (confrontation and overlap of the principles of writing)]. Averintsev, S.S. *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii*. Moscow: Shkola «lazyki russkoi kul'tury» Publ., 13–75. (In Russ.).
2. Askol'dov S. (1924). *Psikhologiya kharakterov u Dostoevskogo* [Psychology of Dostoevsky's protagonists]. Dolinin, A.S. (ed.) *F. M. Dostoevskii. Stat'i i materialy*, Vol. 2, Leningrad; Moscow: Mysl' Publ., 5–27. (In Russ.).
3. Barshev Ya. I. (1841). *Osnovaniya ugolovnogo sudoproizvodstva* [Grounds for criminal proceedings]. St. Petersburg: Type. 2 offices e.i. led. office, 297 p. (In Russ.).
4. Bakhtin M. M. (1997). Iz arkhivnykh zapisei k rabote "Problemy rechevykh zhanrov [Extracts from preliminary materials to The Problem of Speech Genres]. Bakhtin, M. M. *Sobranie sochinenii : v 7 t.*, Vol. 5, Moscow: Russkie slovari Publ., 207–286. (In Russ.).
5. Bakhtin M. M. (1997). Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii : v 7 t.* [Collection of works in 7 vols.]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari Publ., 159–206. (In Russ.).
6. Grossman L. (1924) *Ispoved' odnogo evreia* [Confession of a Jew]. Moscow ; Leningrad: Frenkel' Publ., 182 p. (In Russ.).
7. Derzhavin G. R. (1872). Mnenie ob otvrashchenii v Belorussii goloda i ustrojstve byta evreev [Opinion on the aversion in Belarus of famine and the organization of the life of Jews]. *Sochineniya Derzhavina*. Vol. 7. St. Petersburg: Academy of Sciences, 229–332. (In Russ.).
8. Panchenko N. N. (2011) *Ispoved' kak zhanr doveritel'nogo obshcheniia* [Confession as a genre of close communication]. *Zhany rechii*, 7, 254–261. (In Russ.).
9. Paperno I. (1999). *Samoubiistvo kak kul'turnyi institut* [Suicide as a cultural institute]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 256 p. (In Russ.).
10. Prigarina A. S. (2011). *Ispoved' kak zhanr i intentsiia* [Confession as a genre and intention]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2, 11–15. (In Russ.).
11. Prokhorov G. S. (2020). Spor v publitsistike Dostoevskogo: diskurs ili instrument kommunikatsii? [Debates in Dostoevsky's journalism. Discourse or a tool for communication?]. *Vestnik RGGU. Ser. Iazykoznanie. Literaturovedenie. Kul'turologiia*. 2, 45–58. (In Russ.).
12. Tertychnyi A. A. (2000). *Zhany periodicheskoi pechati* [Genres of a periodical literature]. Moscow: AspektPress Publ., 312 pp. (In Russ.).
13. Shteinberg A. Z. (1994). *Dostoevskii i evreistvo* [Dostoevsky and the Jewry]. Belov, S.V. (ed.) *Russkie emigranty o Dostoevskom*. St. Petersburg: Andreev i synov'ia Publ., 111–125. (In Russ.).
14. Cohn H. (2000). *The Trial and Death of Jesus*. Old Saybrook: Konecky&Konecky, 2000. 419 p.
15. Prokhorov G. (2018). What Sort of Jew Dostoevsky Liked and Disliked: A Narrative of a Love-Hate Relationship. *The New Philological Bulletin*, 3 (46), 138–151.
16. Lerer S. (2008). *Children's Literature. A Reader's History, From Aesop to Harry Potter*. Chicago; London: U of Chicago P, 388 p.

Информация об авторе

Г. С. Прохоров – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

George S. Prokhorov – Doctor of Philology, Professor.

Статья поступила в редакцию 01.07.2023; одобрена после рецензирования 15.07.2023;
принята к публикации 15.07.2023.

The article was submitted 01.07.2023; approved after reviewing 15.07.2023;
accepted for publication 15.07.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.